

18+

МАРИЯ ГРАФ

ПРИЧАСТНОСТЬ

Мария Граф

Причастность

«Издательские решения»

Граф М.

Причастность / М. Граф — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962592-2

Его то много, то мало. Оно нас то лечит, то убивает. Мы его теряем, жалеем, тратим... Не бережем чужое и жаждем побольше своего... Это дар и наказание. И причастны все...

ISBN 978-5-44-962592-2

© Граф М.
© Издательские решения

Содержание

И всю жизнь мы ждем, что это в конце концов соберется в настоящую жизнь...	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Причастность

Мария Граф

© Мария Граф, 2020

ISBN 978-5-4496-2592-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

И всю жизнь мы ждем, что это в конце концов соберется в настоящую жизнь...

Сэмюэль Беккет «Конец игры»

Никогда не запертая дверь от дуновения ветра качнулась больше обычного, и уличный свет забежал в узкий коридор. Потертый, никогда не моющийся пол, испещренный трещинами, обложенный крысиным пометом... в конце концов, обычный пол обычного подвала. Стены тоже обычные, грязные, облупившиеся и холодные. В правой стене еще одна дверь, попримечнее; на ней табличка, то есть что-то вроде таблички, правда, сейчас вечер, и трудно разобрать, что там написано. Но интересно... Эта дверь тоже не заперта... Как же она скрипит!!! Как только скрип прекращается, удается расслышать нечто неопределимое. Со всех углов комнаты доносится мерное тиканье, где-то громче, где-то тише, где-то капризно, не в такт, где-то спокойно, неспешно. На все лады переговариваются между собой часы, заполнившие пустоты каморки. У противоположной стены под окном стоит стол, за ним спиной к двери сидит согнувшийся силуэт.... А-а! Теперь мне понятно, что это за комната и кто её обитатель...

...Вадим и сам не понимал, как пришел к такому. Он просто жил, жил, где-то работал, потом эту работу потерял, стал снимать уже не квартиру, а подвал, который оборудовал под мастерскую по ремонту часов. Часы он чинил на совесть, оттого и в посетителях недостатка не было. Некоторые готовы были заплатить подороже за скорый ремонт, некоторые не торопились и приходили через день-два. Так вот те, которые хотели побыстрее, поневоле какое-то время сидели с Вадимом, пока тот чинил часы. Когда дорогую или даже не дорогую тебе, но очень знакомую и близкую вещь держит в руках другой человек, ты ревниво контролируешь каждое движение. Именно так и вели себя посетители первые две-три минуты, но когда они видели, как бережно Вадим вскрывает часы, чистит завод или даже просто меняет батарейку, возникало огромное доверие к этому человеку, и взгляд потихоньку скользил вверх по рукам, замечая уверенность в каждом движении.... А лица Вадима видно не было: он сидел, сильно ссутулившись, наклонив голову, и посетители умилялись про себя на его по-детски курчавые темно-русые волосы, в которые так и хотелось запустить руку. И это только казалось, что Вадим не обращал внимания на своих клиентов: образованию, которое он получил, мог позавидовать любой разведчик – наблюдательности, аналитического ума и сообразительности ему досталось с лихвой. Он по внешнему виду часов мог составить красочную картину внутреннего вида их обладателя.

Бывали и странные случаи: приходил какой-нибудь человек и жаловался, что часы убегают вперед, а оказывалось: они шли точно, просто сам хозяин жил так, что отставал от них. Или наоборот, энергичная, вся такая деятельная дамочка нервозно заявляла: «Сделайте с ними что-нибудь. Они постоянно отстают, из-за них я вечно опаздываю!» И Вадим, на самом деле понимая причину, просто чистил завод, а потом уверял, что часы теперь даже будут спешить на несколько минут... За свою работу он брал умеренную плату, поэтому к нему приходили очень часто, в итоге он зарабатывал достаточно для сносного проживания денег. Постоянного чувства голода он не испытывал... по крайней мере, оно его не донимало и голова была свободна от размышлений о еде. Она, то есть еда, существовала как-то особняком, как другой человек. Вадим ходил в магазин, будто на встречу, покупал необходимое, клал в холодильник и... отстранялся. Ел всегда в положенное время – по часам никогда не хватал куски, всегда доедал до конца с немой благодарностью, заворачивал хлеб, бережно ставил кастрюлю на плиту и молча уходил из кухни, то есть из того огороженного пространства, которое было отведено

для готовки пищи. Поев, он снова вливался в то время, которое диктовали часы в комнате. Некоторые принадлежали ему, некоторые были просто забыты беспечными хозяевами. Вадим уже давно подметил, что если за часами не следить, они обязательно перестанут показывать время, установленное человеком, они или убегут, или начнут отставать, но все непременно будут идти по своему неведомому графику. Потому что то время, по которому якобы живет человек, время физическое, – просто не существует, это ерунда! Есть одно время. И его не измеришь ударами маятника и оборотами стрелок. Это Вадим прочел в первом томе сочинений Анри Бергсона и с огромным удовольствием отметил, что сам всегда считал так же. Но он не мог отнять у людей то, к чему они привыкли, чем гордятся и что считают неотъемлемой частью существования. У него вообще было странное отношение к людям. Когда приходили посетители, Вадим (вроде бы делая положенную работу) внимательно за ними наблюдал, находил какую-то индивидуальность... и сразу вбирал ее в себя. В комнате обязательно появлялись вещи, которые так потрясали его в рассказах других людей, он покупал книги, о которых вскользь упоминали разболтавшиеся клиенты. Вадиму казалось, что каждый человек неслучайно приходил именно сюда; значит, он должен был передать Вадиму что-то, чего, может, так не хватает в жизни часовщика. Если посетитель начинал рассказывать о себе, он уже становился частью жизни Вадима. Но посетители уходили, приходили другие, надо было постоянно привыкать к новым людям, копя в себе тяготы, боль и истории... ;

Выдавались свободные вечера, он садился к окошку и весьма самозабвенно представлял, как кто-то из его знакомых сидит сейчас на дорогом мягком диване, укутавшись и потягивая чай, и решает свою труднейшую жизненную дилемму... Брызнувшая на подоконник капля отвлекала Вадима от мечтаний и напоминала, что на ночь окно лучше прикрыть, а то беспечная весенняя капля мигом зальет все часы на столе. Вадим послушно закрывал окно, обходил свои владения, проверял самочувствие часов и ложился спать.

*2

...Утром он проснулся от грохота – видимо вечером, не совсем плотно закрыл окно, а ветер вздумал пошалить. До того времени, как Вадим открывал мастерскую, оставалось еще два с лишним часа – можно было сходить в магазин и просто погулять. Он накинул серое пальто со стоячим воротником и вышел, захватив часы, которые заказчик, а вернее заказчица, оставила на несколько дней и попросила за дополнительную плату принести на дом. Вадим охотно соглашался относить заказы, и совсем не из-за денег. Просто ему нравилось заходить в чужой дом, подниматься по чужой лестнице, а потом по вечерам долго смотреть в чужие окна.

Он положил часы во фланелевый мешочек, сунул его в карман, захлопнул дверь, вернулся в арку и вышел на улицу. У него, как и у всех жителей города, была «болезнь подземелья». Не хватало света. Темное время года длилось около семи-восьми месяцев. Солнца в избытке было только летом. А когда оно заканчивалось, очень хотелось гулять по освещенным улицам или большим паркам. Это сильно действовало на психику. Постоянное нахождение в подвале, темных помещениях вызывало световое голодание; Вадим весь город делил на светлые и темные районы. Светлые он любил, но в темных чувствовал себя комфортнее. Светлые были для него как божество, перед которым поклоняешься, но чувствуешь себя ущемлено. И если заказчик жил в светлом районе, он становился для Вадима еще более значимым и недостижимым человеком. На этот раз часы надо было отнести старушке, живущей совсем недалеко, в соседнем квартале. Он дошел до Семеновского моста. По обыкновению остановился: восход и закат на Фонтанке всегда заставляли его убавить шаг, как бы он ни спешил.

Сейчас был восход. Солнечные лучи расплылись по воде, ветер, балуясь, гонял волны и мелкие льдинки из стороны в сторону. Река как будто тянула время, ожидая чего-то. Она была медлительна и неповоротлива. «Лентяйка», – улыбнулся Вадим, перешел площадь, перешел на другую сторону и снова погрузился в темноту. С обеих сторон улицу охраняют высокие дома с узкими окнами в глухих стенах и огромными арками-подворотнями. В одну из них и зашел

Вадим. Это так только кажется, что все дворы-колодцы похожи друг на друга. Только кажется, что ничего особенного не может быть в стенах, наружных лифтах и узких окнах. Вадим, исследовавший множество подворотен, при виде этой как-то сконфузился: одна из стен, самая высокая, была абсолютно глухой – без единого окошка и напоминала расстрельную стену. В нее упиралось огромное дерево с ветвистой кроной, которое росло, казалось, сверху вниз и тянулось к тебе своими ветвями. Сам дворик был небольшим по площади и даже доступен для солнечных лучей, но они почему-то его явно игнорировали. Оттого еще кое-где серел снег, не было никакого намека на весну. А она уже уверенно шагала по городу. Тем временем Вадим совсем неуверенно достал из кармана мешочек с часами, вынул оттуда листок с адресом и, повторив про себя номер квартиры, стал отыскивать нужный подъезд. На первом табличка с номером отсутствовала, да и не могла квартира 25 быть в первом подъезде. Вот пятый подходил по всем параметрам, но... в записке указано «самый последний этаж», а по подсчетам 25 квартира должна быть на первом... Значит, она все-таки в четвертом подъезде... на чердаке. Это был единственный подъезд во дворе с наружной лестницей.

Как только Вадим открыл дверь, в нос ударил трезвящий запах аммиака, а в глаза – не то что крошечная, а безобразная темнота. Вадим не решился двигаться с места, пока глаза не привыкли. Первая ступенька была стерта почти до основания, так что путь пришлось начинать сразу со второй. Так потихоньку, кое-где опираясь на перила, кое-где на ощупь он дошел до четвертого этажа и остановился. Где дверь на чердак? А почему он решил, что здесь должна быть дверь? Проем в стене, когда-то напоминающий арку, за ним узкая крутая лестница – вот и дорожка к заказчице. Теперь понятно, почему старушка не захотела приходить за часами – лишний раз совершать променад по такому маршруту и здоровому молодому человеку не в радость. Дверь в квартиру была ниже обычной – как раз по росту хозяйки. Звонка Вадим не нашел (да и не было его), поэтому стал стучать. Делать это пришлось долго, наконец, за дверью начало что-то звенеть, стучать, брякать – ох и заперлась же старушка, – и перед Вадимом предстала милая бабулька, лицо которой часовщику понравилось еще тогда, в мастерской; но здесь, в своей квартире, в своем мирке оно было еще добрее и грустнее.

– Здравствуйте, помните меня, я вам часы починил.

– Починил-починил, – пробормотала старушка. – Ты только на пороге не стой, не хорошо это. Зайди, не бойся. Тебя как зовут? Я в прошлый раз и спросить забыла.

– Вадим.

– Вот и ладно... А у меня сын был... Вадим... А я Лидия Матвеевна... Проходи, милый. Долго с часами-то мучился?

– Нет, не очень. Они еще вас... то есть они долго будут ходить. Там надо было завод почистить и деталь заменить – истерлась. Вы когда в последний раз их чинили?

– Не помню, – торопливо сказала старушка. Видно неприятное что-то связано с тем временем. – Тебе денег-то хватило, я ничего не должна?

– Нет, что вы! Все в порядке.

Вадиму почему-то сразу очень не захотелось уходить отсюда. Но о чем ему говорить с заказчицей? Просто попросить чая? В уборную? А старушка молчала и пристально смотрела в глаза гостю.

– Если они поломаются, вы пришлите какого-нибудь мальчонку соседского ко мне, я зайду, исправлю все.

– А я и сама могу прийти. Что мне делать еще? Я сама зайду. Вот буду гулять и зайду... А ты, может, чая хочешь?

– Да нет, спасибо, – нерешительно ответил Вадим с такой интонацией, чтобы его стали уговаривать. А сам уже жадно всматривался в обстановку квартиры, старался побольше запомнить всяких мелочей. Мелочей, которые составляли быт чужого человека... Но старушка и не пыталась уговаривать:

– Ну, смотри, как хочешь, – сказала она так железно и бесповоротно, что не уйти было бы просто неприлично. С чувством такта у Вадима было все в порядке, поэтому он попросился и вышел. За спиной его снова послышался скрежет, звон – Лидия Матвеевна закрыла дверь...

Вадим спустился вниз, повернул налево и через арку вышел на улицу... Надо было еще купить что-нибудь поесть. Машинально похлопав себя по карману, он услышал звон мелочи, вздрогнул как будто от холода и пошел вперед... площадь... мост...

«Ну одинокая ведь, поговорить не с кем, обычно такие бабульки рады кого-нибудь к себе завести и болтать без умолку, вешать на любого встречного 70-летний груз воспоминаний, слез и причитаний... А эта нет», – не мог успокоиться Вадим. Ладно, если б старушка загадочной была, жила бы с черным котом и мистически подмигивала гостю зорким зеленым глазом. А то ведь самая обыкновенная, маленькая, миленькая, с круглым личиком, бессовестно тронутым морщинами, с серыми детскими глазами, доброй улыбкой. Она не походила на обычных посетителей Вадима. Те были людьми расторопными, энергичными. А ей будто и не нужны часы, куда ей спешить, зачем следить за временем? Неторопливость, задумчивость в разговоре создавали странный образ – некоего всезнающего мудрого учителя, который не сразу раскрывает ученику все секреты, а медленно, спокойно о чем-то рассказывает с таким благородным превосходством, давая понять, что вот, мол, придет время – сам все узнаешь.

Резко затормозившая машина оторвала Вадима от этих мыслей. Он увидел, что давно прошел и свою арку, и магазин. А скоро уже нужно было открывать мастерскую. Он быстро перешел через дорогу, зашел в магазин, купил хлеб, овощи, макароны и вернулся домой. Пока готовил себе завтрак, взглянул на окно и подумал, что ему, то есть окну, очень бы пошел широкий подоконник, какой он видел у Лидии Матвеевны. Под подоконником на столе было бы удобно хранить часы – никакой дождь не замочит, даже если форточка не закрыта. Он отыскал у себя широкую доску и кое-как приделал ее к окну. Получилось не очень аккуратно и не очень надежно – как никак руки Вадима больше привыкли к ювелирной работе. Но все же он остался доволен и даже не рассердился на выкипевшую воду и пригоревшие макароны. Пришлось просто обжарить хлеб, потушить помидоры и съесть все, запив чаем. Он ел и любовался своим творением. В это время, когда у него появилась такая же вещь, как и у старушки, ему вдруг показалось, что он имеет право на большее, имеет право узнать что-то о ее жизни. И это ощущение, такое порывистое, смелое, решительное ощущение странной близости и родства придало ему бодрости, захотелось, чтобы скорее закончился рабочий день и можно было выйти из дома.

*3

День действительно прошел достаточно быстро: было всего четыре посетителя, причем один заплатил довольно много – часы дорогие, да и ремонтировать их долго. В положенное время Вадим закрыл мастерскую и отправился на прогулку. Теперь с каждым днем темнело все позже, воздух становился влажно-теплым, весенним. В такие моменты Вадиму всегда хотелось сделать что-нибудь дерзкое, запрыгать посреди улицы, закричать, пойти туда, куда в обычные дни никогда бы не пошел. Это оттого, что настроение хорошее, оттого, что все кажется светлым...

Машины так же неслись в одну сторону, до светофора идти не хотелось, и Вадим перешел улицу прямо напротив своей подворотни, недовольный водитель просигналил пронзительно и резко и пролетел мимо. В такое время гулять хотелось не только Вадиму – казалось, что все горожане долгом своим считали выйти на улицу и проследить, как весна ведет себя в Петербурге, не слишком ли она медлительна, скромна, не собирается ли вообще не приходить. Нет, весна была совсем нескромна, даже чересчур смела и решительна. Она дерзко топила снег и согревала деревья, сбрасывала с крыш сосульки и стягивала с людей одежду. Кто-то с удовольствием переходил на более легкий вариант, кто-то с недоверием еще кутался в зимние вещи. Надо признаться, что вечер был действительно теплым, Вадим распахнул

пальто, перебежал через мост, подмигнув Фонтанке и пообещав вернуться через час. Еще несколько минут и он был уже в заветной подворотне. С утра здесь ничего не изменилось, только машина одна загрозила подход к лестнице. В этот момент Вадим почувствовал свое сердце, оно билось почему-то не в груди, а в голове, даже в глазах потемнело. Он поднялся по лестнице, открыл дверь парадной... удары сердца теперь были как маятник: один удар – одна ступенька. Непонятное чувство возрастало с каждым шагом. Это как восторг ребенка, который прячется за углом и знает, что вот-вот его найдут, он и ликует, и боится, вскрикивает, смеется... Так и Вадим с замиранием поднялся до последнего этажа, увидел знакомую арку. Надо было еще набраться смелости, чтобы без причины прийти к незнакомому человеку, но за 10 секунд, которые бы он потратил на преодоление последних ступенек, причины не придумать. Да и не волновало это Вадима, у него внутри была такая огромная причина, такой порыв: чужая жизнь, целый мир, целая история и он может ей овладеть, он может к своей жизни приклеить другую, может свою судьбу подкрасить настроением постороннего, может пережить все его страхи и радости, может в комнате выделить место для чужой жизни... Вадим постучал в дверь. Постучал еще раз, сильнее. За дверью снова раздался стук, скрежет. На этот раз Лидия Матвеевна спросила:

– Кто там?

–В-Вадим... часовщик... я к вам сегодня утром заходил... откройте, пожалуйста....

Лидия Матвеевна сразу открыла дверь, как будто весь день ждала гостя:

– Здравствуй, что-то случилось, милый?

– Нет. То есть я, – надо что-то придумать, зачем я пришел, зачем я пришел. – Я вроде у вас забыл бумажку с адресом другого заказчика. Наверно, положил в мешок вместе с вашими часами, а вытащить забыл. Вы не посмотрите?

Старушка улыбнулась на такую откровенную неправду, – ну кто бы стал класть адрес в мешочек другой заказчицы, адрес, если его вообще записывают, кладут вместе с часами владельца...

– Ну ты же при мне доставал часы, не было там никакой бумажки, разве не помнишь. Уж мне-то сколько лет, а я вот помню. Если хочешь, конечно, сейчас посмотрим.

Она зашла в комнату, принесла фланелевый мешочек, часы в нем лежали до сих пор, словно их отремонтировали просто так, не для чего.

– Смотри, нет здесь ничего.

– Да... нет... куда же я мог его деть...

Ничего не оставалось, как извиниться за вторжение и уйти, но ведь хотелось остаться, поговорить. У Лидии Матвеевны так вкусно чем-то пахло: то ли выпечкой, то ли топленым молоком. Совсем не было ощущения затхлого и спертого воздуха, который обычно бывает в квартирах у бабулек, редко открывающих форточки, боясь сквозняков. Теплая волна вкусного, нежного, аппетитного воздуха шла из кухни, обволакивая и успокаивая. Давно уже Вадим не ел чего-то настоящего, печеного, своего. И видно он так погрузился в мечты о съестном, что это мигот отразилось на его лице. Не глупа была старушка...

– А я вот как раз пеку пирожки, яблоч вчера на рынке купила дешевых, такие хороши для пирожков... они уже в духовке, ты подожди чуток, чаю со мной попьешь... подождешь?

Ну слава Богу, свершилось! Все, первый шаг есть, осталось только взять столько, сколько сможешь...

– Подожду, конечно, но мне как-то неудобно, напросился получается. Я ведь на самом деле из-за адреса пришел.

– Перестань, поешь, отдохнешь. Небось, работал весь день. Попробуешь мои пирожки, а то ведь мне и некого угостить... я уж так решила испечь – сметана осталась, мука, а то так и испортиться недолго. Не люблю, когда в холодильнике еда залеживается – как будто никто

не живет. А я хоть и одна, но живая и списывать себя не собираюсь... знакомых мало, соседки уже в маразм впали... да ты садись, я ведь так долго говорить могу.

Вадим прошел в кухню. Вокруг маленького стола стояли несоразмерно большие стулья, прикрытые белыми тряпочками. На столе солонка, сахарница, большая и пузатая. Ни одной крошки, ни одной лишней вещи. В духовке пеклись пирожки, а на плите кипел чайник. Лидия Матвеевна выключила его, заглянула в духовку:

– Ну, скоро уже будут готовы. Ты садись, расскажи мне о себе и не думай, что я просто так, мне на самом деле интересно.

Больше всего Вадиму не хотелось думать о себе в этот момент. Нечего было рассказывать. Свою жизнь он не считал темой для беседы, она не представляла для него интереса. И кстати, он даже никогда не задумывался, что жизнь – это история; целая канва, сеть случайных и неслучайных переплетений, событий. Но все, что составляло его жизнь, казалось Вадиму безликим, лишним. Он постоянно ждал чего-то, ускоряя ход времени. Он словно сжигал день за днем в ожидании какого-то события. Но даже само ожидание было странным – медлительным...

– Ой, я... не надо. Лучше вы расскажите о себе. Вам же есть о чем вспомнить.

Лидия Матвеевна на минуту задумалась и улыбка исчезла с ее лица. Вадим увидел каждую морщинку. Особенно много их было там, где у восточных женщин сходятся брови. Морщинки эти – признак слишком частой сосредоточенности, напряженности, а нередко – след перенесенного горя.

Лидия Матвеевна взяла тряпку, открыла духовку и достала противень с румяными, аккуратно выложенными в несколько рядов пирожками. Противень она поставила на стол, пирожки сбрызнула водой и накрыла полотенцем.

– Вот, немножко постоят, помягче станут. А-то у меня зубов-то маловато, – она замолчала, глубоко вздохнула, словно собиралась с силами. – Да у меня тоже жизнь – не для рассказов за чаем. Я давно не работаю, на пенсию живу. Одна живу. Сын был... да как 20 лет назад ушел, так и не видела я его. Молоденький был – 23 года. Искала. Везде искала. По всем ведомствам ходила, сотни бумаг подписывала там, сотни записок оставляла в церквях – ничего. Через 3 года выдали мне официальную справку – пропал без вести – и на том прекратили дело. Я до сих пор жду-жду, а надежды все меньше.

– Его тоже Вадимом звали, да?

– Да, Вадимом. Сейчас бы ему 43 было. Может, живет где-то, детишки есть, жена любимая. Господи! А если его на свете нет, ...я же даже не похоронила. И на могилку не сходить. И свечку как ставить – за здоровье... или за упокой? Я за здоровье ставлю.

Она откинула полотенце с противня, взяла широкую, плоскую, с голубым ободком тарелку, выложила на нее пирожки и поставила на стол. Потом из шкафчика достала вторую чашку с блюдечком, вымыла ее, делая все машинально и с какой-то умиленностью. Вадим отчетливо видел, как лицо ее преобразилось, вроде даже морщинки разгладились, губы сжались в строго-милой улыбке, а в глазах появилось что-то теплое, мудрое, одобрительное, ласковое... материнское. Вадим понял, что она хочет в нем увидеть сына, чуть поухаживать за ним, налить чая, накормить, выслушать, выплакаться, согреть... Только ему этого совсем не хотелось. Не то чтобы не хотелось, а было как-то все равно. Он совершенно о другом думал и другого ждал. Он никак не стремился стать кем-то, стать героем, сыграть свою роль в жизни Лидии Матвеевны. Вадим совсем не был черствым, он понимал горе этой женщины, но не чувствовал в себе сил помочь. А она, уже совсем растроганная своею же историей, терзающим воспоминанием, смотрела на Вадима так, что если б он только позволил прижать себя к груди, разворошить кудрявые волосы и оросить их материнской слезой – она стала бы самой счастливой. Такой, какой может быть одинокая женщина, потерявшая ребенка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.